DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-154-188

Научная статья / Research paper

И.С. Виноградов*

БЛИЖНИЙ ВОСТОК ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР: ПОДХОДЫ, УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии РАН»
117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32

Начало XXI в. ознаменовалось стремительным укреплением международно-политических позиций КНР, которая всё активнее заявляет о себе как о великой державе с глобальными амбициями. Наглядным проявлением этой тенденции служит быстрый рост политического и экономического влияния Китая едва ли не во всех регионах мира. Одним из них является Ближний Восток, который в силу своего стратегического положения и обширной ресурсной базы приобретает всё большее значение для китайской дипломатии. В рамках данного исследования предпринимается попытка выявить специфику внешней политики КНР на Ближнем Востоке в контексте трансформации глобального позиционирования Китая на международной арене, а также обозначить факторы, способствующие или, наоборот, препятствующие реализации целей Пекина на этом направлении. Автор прослеживает эволюцию подходов КНР к участию в ближневосточных делах от ограниченных дипломатических контактов в начале холодной войны до превращения в ключевого торгового и инвестиционного партнера всех стран региона. Особое внимание уделено внешней политике КНР на Ближнем Востоке на современном этапе в контексте целого ряда выдвинутых Си Цзиньпином глобальных инициатив. Отдельно рассмотрены ключевые вызовы и проблемы, которые возникают на пути реализации политики КНР на Ближнем Востоке. В этом контексте автор обращает внимание на серьезную дилемму, стоящую перед китайской дипломатией. С одной стороны, последовательная опора КНР на принципы многостороннего сотрудничества и невмешательства, подкрепляемая масштабными торгово-экономическими и инфраструктурными инициативами, находит широкий отклик у местных элит, формируя стратегическое доверие к Китаю, которое

* *Виноградов Илья Сергеевич* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (e-mail: vinogradov_is@iccaras.ru).

© Виноградов И.С., 2026

может позволить ему еще больше усилить свои региональные позиции в будущем. С другой стороны, в условиях нарастания конфликтности на Ближнем Востоке обнаруживаются пределы возможностей такого политического курса: партнеры КНР ждут от нее более активной, в том числе военно-политической, поддержки и участия в обеспечении регионального мира и стабильности. Автор заключает, что будущее ближневосточной политики Китая будет напрямую зависеть от его способности найти баланс между экономическими интересами и стратегическими императивами.

Ключевые слова: Ближний Восток, Персидский залив, Китай, «сообщество единой судьбы», «Пояс и путь», Иран, Израиль, Си Цзиньпин

Для цитирования: Виноградов И.С. Ближний Восток во внешней политике КНР: подходы, укрепление позиций и региональные вызовы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2026. Т. 18, № 1. С. 154–188. DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-154-188.

Ilya S. Vinogradov

THE MIDDLE EAST IN CHINA'S FOREIGN POLICY: APPROACHES, STRENGTHENING POSITIONS, AND REGIONAL CHALLENGES

Institute of China and Contemporary Asia
Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)
32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russia, 117977

The beginning of the 21st century has been marked by the rapid strengthening of the PRC's international political standing, as China increasingly asserts itself as a great power with global ambitions. This trend vividly manifests itself in the swift growth of China's political and economic clout in virtually all regions of the world. One such region is the Middle East, which, due to its strategic location and vast resource base, is becoming increasingly important for Chinese diplomacy. This study attempts to identify the distinctive features of the PRC's foreign policy in the Middle East amid the transformation of China's global positioning on the international stage, as well as to outline the factors that facilitate or, conversely, impede the implementation of Beijing's objectives in this area. The author traces the evolution of the PRC's approaches to Middle Eastern affairs from limited diplomatic contacts during the early Cold War period to its emergence as a key trade and investment partner for all countries in the region. Particular attention is paid to the PRC's current foreign policy in the Middle East, set against the backdrop of a series of global initiatives launched by Xi Jinping. The author identifies

the key challenges and problems confronting the implementation of the PRC's policy in the Middle East and highlights the serious dilemma facing Chinese diplomacy. On the one hand, the PRC's consistent reliance on the principles of multilateralism and non-interference, reinforced by large-scale trade, economic, and infrastructure initiatives, resonates widely with local elites, fostering strategic trust in China, which may enable it to further strengthen its regional position in the future. On the other hand, amid growing conflict in the Middle East, the limits of such a policy course are becoming apparent: the PRC's partners expect it to provide more active support, including military and political backing, and to participate more directly in ensuring regional peace and stability. The author concludes that the future of China's Middle East policy will directly depend on its ability to balance economic interests and strategic imperatives.

Keywords: Middle East, Persian Gulf, China, Community of Common Destiny, Belt and Road, Iran, Israel, Xi Jinping

About the author: *Ilya S. Vinogradov* — PhD (History), Chief Research Fellow at the Center 'Russia, China, and the World', Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (e-mail: vinogradov_is@iccaras.ru).

For citation: Vinogradov, I.S. (2026) 'The Middle East in China's foreign policy: approaches, strengthening positions, and regional challenges', *Lomonosov World Politics Journal*, 18(1), pp. 154–188. Available at: https://doi.org/10.48015/2076-7404-2026-18-1-154-188. (In Russian.)

Актуальность изучения политики Китая на Ближнем Востоке в XXI в. определяется фундаментальными сдвигами в глобальном распределении влияния. Стремительное экономическое и политическое возвышение КНР, совпавшее с периодом относительного снижения активного военного присутствия США в регионе, на фоне усиления трендов регионализации и многополярности в мировой политике делает Ближний Восток важным полигоном для реализации амбиций Пекина как великой державы.

Цель статьи — исследование ближневосточного вектора внешней политики КНР с точки зрения усиления ее позиций в регионе, а также определение факторов, ограничивающих влияние Пекина.

Предметом статьи выступают двусторонние и многосторонние отношения Китая со странами Ближнего Востока (с акцентом на ключевых арабских странах, а также на Иране и Израиле), рассматриваемые в исторической ретроспективе и через призму взаимодействий в экономике, политике и безопасности в контексте продвижения глобальных инициатив КНР. Турция исключена из рассмотрения ввиду

ее принципиально иной роли: будучи членом НАТО, кандидатом на вступление в Европейский союз (ЕС) и в целом самостоятельным военно-политическим игроком в регионе со своей идеологической повесткой, она сохраняет институциональную дистанцию от китайских многосторонних форматов и инициатив и скорее выступает в качестве конкурента КНР на Ближнем Востоке. Иран, в отличие от Турции, даже несмотря на независимый внешнеполитический курс, — неотъемлемый объект китайской ближневосточной стратегии. Близкие отношения Пекина с Тегераном создали для КНР большое пространство для дипломатических решений, и Иран является важным элементом и прямым бенефициаром китайского нарратива о построении системы всеобщей безопасности на Ближнем Востоке.

Современной идеологии КНР и ее внешнеполитическому измерению, прежде всего концепции о «сообществе единой судьбы», уделяется немало внимания в работах отечественных исследователей, в частности, представляющих Институт Китая и современной Азии РАН [Верченко, 2025; Виноградов, 2023]. Трансформация политики Пекина в отношении развивающихся стран отражена в монографии Е.С. Сафроновой [Сафронова, 2018]. Растущее экономическое присутствие КНР в регионе в контексте реализации инициативы «Пояс и путь» (ИПП) рассмотрено в публикациях С.Л. Сазонова [Сазонов и др., 2024; Сазонов, Фу, 2024]. В работе Е.М. Савичевой с соавт. [Савичева и др., 2022] широко освещено современное состояние сотрудничества КНР с арабскими странами Персидского залива с учетом роста стратегических амбиций Пекина и вызовов, стоящих перед ним с точки зрения обеспечения безопасности своего экономического присутствия. Особенности экономического и инновационного сотрудничества Китая с Израилем представлены в работе Д.А. Марьясиса [Марьясис, 2018], а его стратегическое взаимодействие с Ираном — в публикации В. Сажина [Сажин, 2021].

Тем не менее в отечественной историографии наблюдается дефицит работ по комплексному рассмотрению ближневосточного вектора внешней политики КНР с учетом идеологической составляющей, экономического присутствия Китая, дипломатической практики и вызовов на фоне текущей региональной нестабильности.

В современной западной историографии этим сюжетам в целом уделено больше внимания, включая проблемы, связанные с усилением присутствия КНР в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) и влиянием этого фактора на интересы других игроков

(США, ЕС, Индии, России) [Kellner, Loutfi, 2024]. Отдельный блок работ освещает эволюцию позиции Китая по палестино-израильскому конфликту: можно отметить публикации Чжан Шэна [Zhang, 2025] и Чэна Янга [Yang, 2017]. В работе Роя Бен Цура проанализирована позиция Пекина по ирано-израильскому конфликту [Ben Tzur, 2025].

В современной китайской историографии особое значение придается позитивной роли КНР в диверсификации экономических связей в регионе, ее участию в вопросах безопасности и критике в адрес ближневосточной политики США. Научный сотрудник Шанхайского университета международных исследований Ли Вэйцзянь отмечает, что с началом «политики реформ и открытости» отношение Китая к участию в ближневосточных делах изменилось от «сдержанности и отстраненности» к «влиянию на ситуацию», что подчеркивает его роль как великой державы [Ли, 2018].

В статье бывшего посланника КНР по делам Ближнего Востока У Сыкэ и научного сотрудника Фуданьского университета Сунь Дегана [Сунь, У, 2020] рассмотрено практическое содействие Пекина политическому диалогу между заинтересованными сторонами, подчеркивается его роль как дипломатического посредника и координатора, что позволяет Китаю позиционировать себя в качестве ответственной великой державы, вносящей свой вклад в создание общей безопасности и укрепление многостороннего сотрудничества [Сунь, У, 2020].

Профессор Института ближневосточных исследований Шанхайского международного университета иностранных языков Лю Чжунминь заключает, что Ближний Восток стал стратегически важной частью Глобального Юга. При этом, по мнению ученого, по мере того как влияние незападных внерегиональных держав (Китая, Индии, России) становится всё более диверсифицированным и сбалансированным, напротив, всё более разрушительным оказывается вмешательство США в ближневосточную систему, затрудняющее политическое урегулирование многих региональных острых вопросов [Лю, 2024].

Об этом пишет и профессор Института китайско-арабских исследований Университета Нинся Ню Синьчунь: он подчеркивает негативное влияние агрессивной политики США и Израиля, которая является самым большим вызовом региональному миру [Ню, 2025].

В представленной статье прослеживается эволюция политики Китая на Ближнем Востоке: от установления первых дипломатических

контактов в 1950-е гг. до превращения в крупнейшего торгового партнера и дипломатического посредника на современном этапе. Анализ охватывает ключевые этапы: деидеологизацию внешней политики при Дэн Сяопине, установление механизмов сотрудничества, запуск ИПП, углубление связей с монархиями Залива и стратегическое партнерство с Ираном. Основное внимание уделяется современным концепциям Пекина и их приложению к региону Ближнего Востока. Исследуются также системные вызовы и дилеммы, с которыми сталкивается КНР, балансируя между растущими экономическими интересами и традиционным принципом невмешательства в условиях острой региональной конфликтности. Отдельно проанализированы позиции Пекина по текущему конфликту между Ираном, Израилем и США.

Становление КНР как влиятельного игрока на Ближнем Востоке

Отправной точкой в формировании современной ближневосточной политики Китая стала Бандунгская конференция 1955 г., половина участников которой были представителями стран Ближнего Востока. Помимо установления первых контактов с региональными лидерами участие КНР в конференции стало и первой попыткой китайского руководства сплотить страны «третьего мира» на основе идей неприсоединения и антиимпериализма и представить себя афро-азиатскому сообществу в выгодном свете [см. подробнее: Сафронова, 2018].

Страны, провозгласившие строительство так называемого арабского социализма, раньше всех в регионе установили дипломатические отношения с КНР: Египет и Сирия — в 1956 г., Ирак — в 1958 г. В 1956 г. были также установлены отношения с Мутаваккилийским Королевством (после переворота 1962 г. — Йеменская Арабская Республика, или Северный Йемен), в 1968 г. — с Народной Демократической Республикой Йемен (Южный Йемен). Однако страны Персидского залива отказывались признавать КНР вплоть до нормализации отношений между Пекином и Вашингтоном и сохраняли дипломатические связи с Тайванем.

Кроме того, еще во время Бандунгской конференции КНР поддержала право палестинцев на возвращение де-факто занятых Израилем в ходе арабо-израильских войн территорий. После Суэцкого кризиса 1956 г. позиция Пекина окончательно стала проарабской: он открыто поддерживал право палестинского народа на вооруженную борьбу. В 1965 г. в КНР открылось представительство Организации освобождения Палестины (ООП). В эпоху Мао Цзэдуна Китай рас-

сматривал борьбу палестинцев против Израиля как антиимпериалистическое национально-освободительное движение, оказывал Палестине дипломатическую поддержку, осуществлял финансирование и даже обеспечивал военную подготовку палестинцев. В своей речи в 1970 г. Мао призывал «поддерживать борьбу палестинского и других арабских народов против израильских агрессоров»[1].

В условиях сближения Китая и США и восстановления его законного места в ООН в 1971 г. дипломатические связи Пекина в регионе вновь стали расширяться. В 1971 г. были установлены отношения с Ираном, Кувейтом и Ливаном, в 1977 г. — с Иорданией, в 1978 г. — с Оманом.

При этом с началом эпохи «реформ и открытости» при Дэн Сяопине и деидеологизации внешней политики КНР поддержка антиимпериалистической борьбы становилась всё менее значимой и к началу 1980-х гг. практически прекратилась. Китай в это время взял курс на привлечение иностранных инвестиций, создание благоприятных внешних условий для экономического развития. В этом контексте в 1984 г. были установлены отношения с ОАЭ, в 1988 г. — с Катаром. В 1988 г. КНР официально признала Палестину [см. подробнее: Kellner, Loutfi, 2024].

После подписания Кэмп-Дэвидских соглашений и мирного договора между Египтом и Израилем в 1979 г. Пекин проявил понимание трансформации внешней политики Каира и изменил свое отношение к израильскому вопросу. В 1982 г. Китай поддержал принятый на 12-м саммите Лиги арабских государств (ЛАГ) план по решению арабо-израильского конфликта, в котором косвенно признавалось право Израиля на существование [см. подробнее: Yang, 2017: 14]. В сентябре 1988 г. министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь выступил с «предложением из пяти пунктов» по решению ближневосточной проблемы: 1) ближневосточная проблема должна быть решена политическими средствами; 2) оккупированные арабские территории должны быть возвращены; 3) законные права палестинского народа должны быть восстановлены, а безопасность Израиля должна быть гарантирована; 4) поддержка созыва международной мирной конференции по Ближнему Востоку с участием пяти постоянных членов Совета Без-

[1] «Renmin Ribao», «Hongqi», «Jiefangjun Bao». Heighten our vigilance, defend the Motherland: in commemoration of the 43rd anniversary of the founding of the Chinese People's Liberation Army // Peking Review. August 7, 1970. Vol. 13, No. 32. P. 6. URL: https://massline.org/PekingReview/PR1970/PR1970-32.pdf (accessed: 20.03.2026).

опасности ООН; 5) поддержка диалога в различных формах между сторонами на Ближнем Востоке и взаимное признание Палестины и Израиля [см. подробнее: Yang, 2017: 14; Zhang, 2025]. Эти принципы до сих пор остаются константой в политике КНР в регионе.

На фоне ухудшения отношений с государствами Запада после подавления студенческих протестов на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Китай еще больше диверсифицировал внешние связи и в этом контексте установил дипломатические контакты со странами, которые до этого его не признавали: в 1990 г. — с Королевством Саудовская Аравия (КСА) и в 1992 г. — с Израилем. Стоит отметить, что еще в 1980-е гг. между Тель-Авивом и Пекином сформировались интенсивные торговые связи через Гонконг, включая поставки израильской высокотехнологичной продукции и даже вооружений [см. подробнее: Zhang, 2025].

По мере бурного экономического роста китайской экономики (в 1990-е гг. рост ВВП КНР составлял в среднем более 10%[2]) увеличивалась ее зависимость от импорта энергетических ресурсов. С начала 1990-х гг. Китай, став нетто-импортером нефти, превратился в одного из основных покупателей этого важнейшего товара на Ближнем Востоке.

Распад СССР в некоторой степени также послужил стратегическим катализатором для политики КНР в регионе, освободив ее от идеологических рамок холодной войны и соперничества за влияние в «третьем мире» и позволив сосредоточиться на прагматичных аспектах. Некоторые страны региона, бывшие союзники СССР — Ирак, Йемен и Сирия — в условиях ослабления России оказались в изоляции и под санкциями Запада и нуждались в новом политическом покровителе и источниках оружия. В этих условиях для Китая открылись новые возможности для заполнения вакуума влияния и наращивания экономических и политических связей за счет опоры на принцип невмешательства и отстаивание центральной роли ООН при урегулировании конфликтов. В частности, в 2003 г. Пекин осудил вторжение США в Ирак в обход резолюции Совбеза ООН[3]. Таким образом, Китай стал привлекательным партнером для многих арабских режимов, опасавшихся внешнего давления.

[2] 1994–2022 нянь хоби гунинлян дэ бяньхуа гуйцзи [Динамика изменения годовой денежной массы с 1994 по 2022 год] // Гоцзя тунцзи цзюй [Национальное бюро статистики]. 30.12.2024. URL: https://www.stats.gov.cn/zs/tjws/zytjzbqs/hbgyl/202412/t20241223_1957837.html (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

[3] China's position on the US war in Iraq // Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. 26.03.2003. URL: https://un.china-mission.gov.cn/eng/chinaandun/

Этапным событием стала принятая в 1999 г. руководством КНР политика «идти вовне», с которой связано масштабное расширение экономического сотрудничества Китая с развивающимися странами, в том числе с государствами Ближнего Востока. Так, во время первого визита председателя КНР Цзян Цзэминя в Саудовскую Аравию в 1999 г. было заключено стратегическое нефтяное партнерство, благодаря чему королевство в 2000-е гг. стало главным поставщиком нефти в Китай [см. подробнее: Kellner, Loutfi, 2024: 6–7].

Вместе с этим КНР укрепляла политические связи и присутствие в регионе. В 2002 г. по инициативе арабских государств Пекин назначил «специального посланника по делам Ближнего Востока» в целях содействия решению палестинского-израильского конфликта.

С начала XXI в. Китай также стал институализировать свое сотрудничество со странами Глобального Юга в рамках многосторонних форматов, в которых объединял вокруг себя группы государств по региональному признаку. В 2000 г. был создан Форум сотрудничества Китай–Африка (ФОКАК; Forum on China-Africa Cooperation, FOCAC), куда вошли в том числе арабские страны Африканского континента. В 2004 г. во время встречи председателя КНР Ху Цзиньтао с представителями ЛАГ в Каире было объявлено о создании Форума китайско-арабского сотрудничества (ФКАС), в него вошли 22 страны БВСА. Форум стал важной площадкой для целенаправленного развития многопрофильного взаимодействия между КНР и арабскими государствами.

В рамках своей «дипломатии партнерства» Китай разработал универсальный дипломатический подход в отношениях как с отдельными странами, так и с группами стран и организациями. Пекин использует различные типы партнерства и ранжирует их по уровню взаимодействия. В частности, наивысший уровень сотрудничества — всеобъемлющее стратегическое партнерство — КНР установила непосредственно с ЛАГ, Ираном, КСА, ОАЭ, Бахрейном, а в Северной Африке — с Египтом и Алжиром.

На качественно новый уровень сотрудничество Китая с регионом вышло после запуска ИПП в 2013 г., целью которой стало создание устойчивых логистических связей на пространстве Евразии и Африки. В силу своего географического положения страны Ближнего

securitycouncil/regionalhotspots/mideast/ylk/200902/t20090214_8417803.htm (accessed: 20.03.2026).

Востока являются естественными партнерами КНР в совместном строительстве ИПП. Важно, что именно здесь находятся ключевые узкие места глобальных торговых транзитов — Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы, Суэцкий канал. Практически все страны региона заключили с КНР меморандумы о взаимопонимании по совместному строительству ИПП.

Наращивание экономических связей

Начиная с 1990-х гг. в торговле между КНР и регионом закрепилась модель «нефть в обмен на готовые промышленные товары» (электроника, транспортные средства, одежда, текстиль и т. д.). В 2017 г. Китай стал крупнейшим в мире импортером нефти. Регион Ближнего Востока традиционно остается одним из главных источников углеводородов для Поднебесной. При этом с начала XXI в. Пекин значительно диверсифицировал источники импорта нефти благодаря поставкам из России, Анголы и стран Латинской Америки (таблица).

Главные поставщики сырой нефти в КНР в 2024 г.

№	Страна	Объем импорта нефти, млн т	Доля от общего импорта сырой нефти, %
1	Россия	108,5	19,6
2	Саудовская Аравия	78,6	14,2
3	Малайзия	70,3	12,7
4	Ирак	63,8	11,5
5	Оман	40,7	7,4
6	Бразилия	36,8	6,7
7	ОАЭ	35,5	6,4
8	Ангола	28,7	5,2
9	Кувейт	16	2,9
10	Катар	10,2	1,8
	Прочие страны	63,9	11,6
	Всего	553	100

Источник: Ди и юци даго цзюаньжу дэ чжэ чан чжаньчжэн цзюэ бу сян кань шанцюй намэ цзяньдань! [Война, в которую втянута крупнейшая нефтегазовая держава, гораздо сложнее, чем кажется!] // Синьланван [Sina.cn]. 19.06.2025. URL: https://finance.sina.cn/2025-06-19/detail-infarste1443730.d.html (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

Несмотря на развитие зеленой энергетики и задачи по достижению углеродной нейтральности к 2060 г., которая была сформулирована в заявлении Си Цзиньпина на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН и затем внесена в 14-й пятилетний план экономического и социального развития КНР (2021–2025)[4], Китай в настоящее время наращивает объемы импорта нефти. Как отмечают эксперты аналитического агентства «Vortexa», неопределенность из-за тарифной политики США и опасения, связанные с возможными перебоями в поставках, побуждают китайских переработчиков нефти увеличивать ее запасы[5].

Не менее половины импортируемой сырой нефти Китай закупает на Ближнем Востоке. Саудовская Аравия, Ирак и Оман входят в пятерку крупнейших поставщиков этого ресурса в КНР. Кроме того, китайская таможенная статистика не учитывает импорт иранской нефти, которая с помощью теневого флота поступает на китайские нефтеперерабатывающие заводы как малазийская и составляет не менее 10% импорта этого топлива Пекином[6].

Поставки природного газа, хотя и в меньшей степени, чем нефть, также составляют важную позицию в китайском импорте из региона. На Ближний Восток приходится более 15% общего объема импорта газа, по большей части из Катара (4-е место после России, Австралии и Туркменистана), который в 2024 г. поставил в КНР 18,3 млн т сжиженного природного газа (СПГ) (25 млрд куб. м) — 23% китайского импорта СПГ. Для сравнения: Россия поставила 31 млрд куб. м трубопроводного газа и 8,3 млн т СПГ (11,4 млрд куб. м)[7].

[4] Outline of the 14th Five-Year Plan (2021–2025) for National Economic and Social Development and Vision 2035 of the People's Republic of China // The People's Government of Fujian Province. 09.08.2021. URL: https://fujian.gov.cn/english/news/202108/t20210809_5665713.htm (accessed: 20.03.2026).

[5] Li E. Market volatility drives China's crude stockpiling // Vortexa. 06.05.2025. URL: https://www.vortexa.com/insights/market-volatility-drives-chinas-crude (accessed: 20.03.2026).

[6] Ди и юци даго цзюаньжу дэ чжэ чан чжаньчжэн цзюэ бу сян кань шанцюй намэ цзяньдань! [Война, в которую втянута крупнейшая нефтегазовая держава, гораздо сложнее, чем кажется!] // Синьланван [Sina.cn]. 19.06.2025. URL: https://finance.sina.cn/2025-06-19/detail-infarste1443730.d.html (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

[7] Танжи Х. Чжунго тяньжаньци цзинькоу цюаньминдань элосы чэнвэй вого цзуйда дэ тяньжаньци гунин го [Список импортеров природного газа в Китай в 2024 г.: Россия становится крупнейшим поставщиком природного газа в Китай] // Вани [NetEase]. 25.01.2025. URL: https://www.163.com/dy/article/JMOO6KSN05568K62.html (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

В 2016 г. МИД КНР опубликовал программный документ, посвященный приоритетам политики Пекина в отношении арабских стран; это событие стало важной вехой в развитии перспективных направлений сотрудничества КНР со странами БВСА. В документе подчеркивается готовность Китая координировать ИПП со стратегиями развития арабских государств, содействовать строительству инфраструктуры, сотрудничеству в области науки, образования, телекоммуникаций, зеленой энергетики [см.: Виноградов, 2023].

С запуском ИПП Пекин и страны региона заметно углубили инфраструктурное сотрудничество, можно отметить ряд крупных проектов, реализованных китайскими компаниями: железнодорожная сеть «Etihad Rail» в ОАЭ, высокоскоростная железнодорожная магистраль между Меккой и Мединой, развитие китайско-египетской Суэцкой зоны торгово-экономического сотрудничества, строительство новой административной столицы Египта.

Китай играет важную роль в послевоенном восстановлении Ирака и заметно усиливает свое экономическое присутствие в стратегической нефтяной отрасли. В частности, китайская компания «Transtech» активно участвует в строительстве городской автотранспортной системы Багдада. В январе 2024 г. «PetroChina» официально заменила американскую «ExxonMobil» в качестве главного оператора по разработке крупнейшего иракского нефтяного месторождения Западная Курна-1[8].

Учитывая геостратегическое положение стран Ближнего Востока как связующего звена между Европой и Азией вдоль «Пояса и пути», особое внимание Китай уделяет инвестициям в портовую инфраструктуру региона в целях дальнейшего управления ею. Например, в 2017 г. китайская компания «COSCO Shipping» вошла в консорциум с «ABU Dhabi Terminal Company» для строительства и эксплуатации контейнерного терминала в порту Халифа в ОАЭ. В КСА «China Communication Construction Co Ltd.» реконструировала порт Джизан на побережье Красного моря [см. подробнее: Сазонов и др., 2024]. В зоне Суэцкого канала «COSCO Shipping» инвестировала в контейнерные терминалы в портах Айн-Сохна и Порт-Саид. Гонконгская компания «Hutchison Ports» является опе-

[8] PetroChina стала оператором иракского проекта Западная Курна-1 после ухода Exxon // Interfax. 03.01.2024. URL: https://www.interfax.ru/world/938921 (дата обращения: 20.03.2026).

ратором портов Александрия и Эль-Дехейла на средиземноморском побережье Египта. В Израиле «China Harbour» в 2014 г. выиграла тендер и модернизировала порт в Ашдоде, а «Shanghai International Port Group» в 2021 г. построила новый терминал в порту Хайфа и стала его управляющей [см. подробнее: Марьясис, 2018].

Торговля между Китаем и арабскими странами достигла впечатляющих масштабов, составив в 2024 г. 399 млрд долл. Для сравнения: в этом же году объем торговли Китая со всеми странами Латинской Америки составил 518 млрд долл., а с Африкой — 296 млрд долл. При этом почти 70% торговли Китая с регионом приходится на монархии Персидского залива, прежде всего КСА и ОАЭ[9].

Важным приоритетом в региональной политике Пекина является углубление связей с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)[10]. В июне 2010 г. Китай и страны объединения учредили механизм стратегического диалога, за которым последовали многочисленные раунды переговоров в целях установления зоны свободной торговли между Китаем и государствами Залива [см. подробнее: Савичева и др., 2022: 188].

В 2016 г. Китай стал крупнейшим внешним инвестором на Ближнем Востоке, причем две трети его инвестиций по состоянию на 2018 г. в регионе БВСА приходилось на страны ССАГПЗ. В 2005–2020 гг. Пекин направил в них прямые иностранные инвестиции на сумму 101,33 млрд долл. Для государств объединения приток инвестиций из Китая пришелся на период развития, когда они стали стремиться к снижению зависимости от экспорта углеводородов и диверсификации национальных экономик [см. подробнее: Савичева и др., 2022]. В 2020 г. КНР вытеснила ЕС с позиции ведущего торгового партнера стран ССАГПЗ. Так, интенсификация торгово-инвестиционных связей и привлекательные условия для ведения бизнеса в ОАЭ способствовали формированию крупной китайской диаспоры в этой стране, численность которой оценивается в 400 тыс.

[9] Imports and exports by country (region) of origin/destination // Customs.gov.cn. December 2024. URL: http://english.customs.gov.cn/Statics/a5b4fa86-46e4-4195-a0c0-5c45ade1cb38.html (accessed: 20.03.2026).

[10] ССАГПЗ — региональная закрытая организация, созданная в 1981 г. В состав входят шесть арабских государств региона Персидского залива: Бахрейн, Катар, Кувейт, Оман, ОАЭ и КСА. ССАГПЗ является влиятельной организацией по вопросам экономического сотрудничества и интеграции, координации и обеспечения безопасности на Ближнем Востоке.

человек[11]. Через 10 лет после запуска ИПП связи Китая со странами Ближнего Востока вышли далеко за рамки энергетического сотрудничества и включали множество других инициатив.

Высокотехнологичная составляющая ИПП — Цифровой Шелковый путь — согласуется с национальными стратегиями стран Залива в области цифровых технологий и инноваций, в частности со стратегией КСА «Видение 2030» [Kellner, Loutfi, 2024: 15]. Китайский цифровой гигант «Huawei» активно внедряет в королевстве облачные технологии, центры обработки данных, технологии искусственного интеллекта (ИИ). Китайские компании участвуют в реализации флагманского проекта КСА — создании футуристического умного города «NEOM», обеспечивая технологическую составляющую, в том числе в строительстве крупнейшего в мире завода по производству зеленого водорода[12].

Центральные банки Китая и арабских стран также укрепляют сотрудничество. В частности, с ОАЭ и КСА заключены соглашения о валютных свопах, предоставляющие сторонам дополнительную ликвидность в виде иностранной валюты. Инвестиции государств Залива играют всё большую роль в стимулировании китайской экономики. Так, в 2024 г. на суверенные фонды этих стран пришлось 62% государственных инвестиций в экономику КНР[13].

Важным событием стал визит Си Цзиньпина в КСА в 2022 г., в ходе которого помимо подписания крупных инвестиционных сделок на сумму 29 млрд долл.[14] китайский лидер предложил перейти на торговлю нефтью в юанях. Поскольку КСА — крупнейший в мире экспортер нефти, если стороны придут к подобному соглашению, это может стать серьезным ударом по нефтяной торговле

[11] Xuena Zh. The 400000 Chinese expatriates' community in the UAE: what makes them build lives in the UAE // Gulf News. 24.05.2023. URL: https://gulfnews.com/uae/the-400000-chinese-expatriates-community-in-the-uae-what-makes-them-build-lives-in-the-uae-1.1683715608053 (accessed: 20.03.2026).

[12] Wu H. Oxagon shaping the future of clean industrial development // Chinadaily.com.cn. 08.08.2025. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202508/08/WS6895a681a3108a99c1905de4.html (accessed: 20.03.2026).

[13] Shang Y. Gulf wealth powers China's 2025 investment boom: from finance to energy // China Briefing. 30.09.2025. URL: https://www.china-briefing.com/news/gulf-investment-in-china-2025-finance-energy/ (accessed: 20.03.2026).

[14] China, Saudi Arabia cement ties with deals including Huawei // Al Jazeera. 08.12.2022. URL: https://www.aljazeera.com/news/2022/12/8/saudi-crown-prince-meets-chinas-xi-in-push-to-deepen-ties (accessed: 26.04.2026).

в долларах[15]. Таким образом, расширяющиеся связи Китая с КСА и ОАЭ отражают меняющуюся геополитическую динамику и имеют последствия далеко за пределами Ближнего Востока.

Набирает силу и межрегиональная торгово-инвестиционная интеграция. Знаковым событием стал первый трехсторонний саммит КНР, ССАГПЗ и АСЕАН в мае 2025 г. в Куала-Лумпуре. В итоговой декларации стороны договорились повышать устойчивость цепочек поставок, взаимодополняемость в региональном экономическом развитии, поддерживать сложившуюся мировую торговую систему с центральной ролью Всемирной торговой организации, упрощать процедуры торговли и инвестирования (в частности, стороны приветствовали скорейшее завершение переговоров по Соглашению о свободной торговле между Китаем и ССАГПЗ). Кроме того, по итогам саммита Пекин объявил о введении безвизового режима для стран Залива[16].

Таким образом, саммит объединил государства Глобального Юга на фоне протекционистской политики США и развязанной Д. Трампом тарифной войны и обозначил встречную тенденцию — перехода от регионализма и фрагментации мировой экономики к созданию открытых и инклюзивных межрегиональных партнерств.

Вместе с тем большое значение для КНР имеет сохранение стратегических отношений с Ираном. С точки зрения географического положения эта страна не менее важна для Китая, чем государства Залива или Египет, так как обеспечивает южный сухопутный коридор на Ближний Восток и в Европу. Еще более значимой представляется близость двух стран в политической сфере. КНР и Иран выступают за многополярный мир, принцип невмешательства и критикуют одностороннюю политику Запада. Подписание в 2021 г. «Всеобъемлющей программы сотрудничества между ИРИ и КНР» сроком на 25 лет ознаменовало важный этап в формировании долгосрочного

[15] Маслов А. Китай пришел на Ближний Восток надолго: почему визит Си Цзиньпина в Саудовскую Аравию стал ключевым событием для китайской дипломатии // Российская газета. 11.12.2022. URL: https://rg.ru/2022/12/11/kitaj-prishel-na-blizhnij-vostok-nadolgo-pochemu-vizit-si-czinpina-v-saudovskuiu-araviiu-stal-kliuchevym-sobytiem-dlia-kitajskoj-diplomatii.html (дата обращения: 20.03.2026).

[16] Joint Statement of The Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), The Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (GCC), and The People's Republic of China (ASEAN-GCC-China Summit) // The ASEAN Secretariat. 27.05.2025. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/Final-Joint-Statement-of-the-ASEAN-GCC-China-Summit-27-May-2025.pdf (accessed: 20.03.2026).

партнерства двух стран. Данный документ не был официально опубликован, однако согласно утечкам черновой версии, которую косвенно подтвердили иранские официальные лица[17], соглашение предполагает китайские инвестиции в экономику Ирана на сумму 400 млрд долл. в течение 25 лет в обмен на непрерывные поставки иранской нефти, а также военное и военно-техническое сотрудничество [см. подробнее: Сажин, 2021]. Соглашение открывает для Пекина большие возможности в обеспечении как энергетической безопасности, так и в целом своих позиций в регионе с точки зрения доступа к богатым нефтегазовым ресурсам ИРИ, логистики, апробации вооружений, обмена опытом с иранскими военными. Для Тегерана в свою очередь экономическое и военно-техническое сотрудничество с КНР — это вопрос необходимого укрепления вооруженных сил в условиях внешних угроз и поддержания экономики в ситуации санкционного режима, который еще более ужесточился после выхода США из ядерной сделки[18] в 2018 г.

В то же время Китай последовательно укреплял сотрудничество с главным оппонентом Ирана — Израилем, в том числе в области науки и технологий. В период премьерства Б. Нетаньяху (2009–2021) страны нарастили торгово-инвестиционные связи, в 2017 г. даже установили всеобъемлющее инновационное партнерство [см. подробнее: Марьясис, 2018].

Стоит отметить, что Китай и некоторые государства региона еще больше сблизились благодаря их участию в многосторонних форматах, продвигаемых КНР. Расширение БРИКС за счет ОАЭ, Египта, Ирана и вступление последнего в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) укрепили потенциал этих объединений. В свою очередь Пекин рассматривает БРИКС и ШОС как важные площадки для отстаивания интересов Глобального Юга [см. подробнее: Лю, 2024], его консолидации в целях построения более справедливой

[17] Defying U.S., China and Iran near trade and military partnership: NY Times // Tehran Times. 13.07.2020. URL: https://www.tehrantimes.com/news/449938/Defying-U-S-China-and-Iran-near-trade-and-military-partnership (accessed: 20.03.2026).

[18] Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) — политическое соглашение, заключенное в 2015 г. между Ираном и группой государств (5 постоянных членов Совбеза ООН и Германия). Суть соглашения заключалась в том, что Иран должен был заниматься развитием мирного атома, не создавая при этом ядерное оружие. Страны Запада в свою очередь обязались пошагово снимать с Ирана санкции.

международной системы отношений, включая реформирование Бреттон-Вудских институтов, противодействие незаконным односторонним принудительным мерам. Так, китайские эксперты из Шанхайской академии общественных наук отмечают, что лежащий в основе ШОС «шанхайский дух», базирующийся на взаимности, равноправии и многообразии цивилизаций, служит преодолению болевых точек в международных отношениях и прямо противопоставляется западной иерархичной модели, где сильный диктует свои условия слабому[19].

Кроме того, на нынешнем этапе в политике КНР всё большее значение приобретает парадигма сотрудничества по линии «Юг–Юг» (南南合作) в противовес модели управления, в которой доминируют страны Глобального Севера. Так, в китайской «Global Times» отмечается, что политика приватизации государственного сектора, дерегулирования и либерализации торговли, продвигаемая Международным валютным фондом и Всемирным банком в рамках Вашингтонского консенсуса, служит инструментом неоколониального контроля со стороны Глобального Севера, вынуждая государства Глобального Юга подчиняться этим правилам посредством введения режимов жесткой экономии. В свою очередь страны Глобального Юга предлагают новые подходы, основанные на сотрудничестве, инклюзивности и солидарности. При этом, как подчеркивается, Китай, будучи крупнейшей страной Глобального Юга, продвигает модель развития (в частности, успешную интеграцию экологических аспектов в экономическое планирование), которая своим примером призвана вдохновить другие государства[20].

Таким образом, постепенно наращивая свое присутствие на Ближнем Востоке, Китай, в отличие от СССР, наполняет его новым содержанием: не военно-политическим, а в первую очередь экономическим — взаимозависимостью и прагматичной, неидеологизированной дипломатией. Это позволило КНР уже в начале XXI в. стать важным партнером для всех сторон в регионе — и для

[19] Гу Вэй цзай вэньхуэй бао лилунь чжоукань тань Шанхай цзиншэнь [Гу Вэй рассказывает о «шанхайском духе» в теоретическом еженедельнике «Вэнь Вэй По»] // Шанхай Шэхуэй кэсюэюань [ШАОН]. 07.09.2025. URL: https://iir.sass.org.cn/2025/0907/c439a580428/page.htm (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

[20] Saraswati V.S. Reshaping global governance: the rise of Global South leadership in a multipolar world // Global Times. 26.07.2025. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202507/1339314.shtml (accessed: 20.03.2026).

арабских монархий, и для режимов под санкциями Запада, и даже для Израиля, — не ввязываясь при этом в их конфликты.

Глобальные инициативы КНР и их проекция на Ближний Восток

Китай серьезно продвинулся в укреплении политического доверия со странами региона. Можно отметить несколько факторов, которые способствовали успеху китайской дипломатии. Пекин не имеет негативного опыта колонизатора, в отличие от европейских стран, которые еще в прошлом столетии делили Ближний Восток на зоны влияния. У КНР и стран региона нет общих границ и отсутствуют территориальные споры. Кроме того, Китай, в отличие от США, ранее не был серьезно вовлечен в региональные конфликты и в этом отношении сохраняет репутацию нейтрального игрока на Ближнем Востоке.

Строгая позиция невмешательства во внутренние дела со стороны Пекина находит понимание у местных правительств, которые часто критикуются Западом за нарушения прав человека. Пример «арабской весны» 2010–2012 гг. показал, что страны Глобального Севера могут поддерживать свержение лояльных им светских режимов, как, например, Хосни Мубарака в Египте или Зин аль-Абидина Бен Али в Тунисе. Интервенция государств НАТО в Ливию в 2011 г. и фактическое разрушение ее государственности с последующим распространением исламистских группировок в Африке в очередной раз продемонстрировали деструктивную политику Запада.

Ближний Восток не относится к зоне первостепенных интересов КНР с точки зрения обеспечения безопасности, в отличие от Восточной Азии, где Китай готов демонстрировать силу и бороться с внешним вмешательством, как в случае отстаивания своих претензий на акваторию Южно-Китайского моря или противодействия сепаратизму Тайваня. Как отмечается в Белой книге «Национальная безопасность Китая в новую эпоху», выпущенной в мае 2025 г. Госсоветом КНР, на Ближнем Востоке Пекин всегда будет устроителем мира, поддерживая единство и сотрудничество для решения вопросов региональной безопасности[21].

[21] Синь шидай дэ чжунго гоцзя аньцюань [Национальная безопасность Китая в новую эпоху] // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Гоуюань синьвэнь баньгунши [Информационное бюро Госсовета КНР]. 12.05.2025. URL: http://www.scio.gov.cn/

В последние годы Китай активно продвигал свое видение по вопросам безопасности на глобальном и региональных уровнях. Так, в 2021 г. глава МИД КНР Ван И выдвинул инициативу из пяти пунктов по достижению безопасности и стабильности на Ближнем Востоке. Как отметил Ван И, этот регион был колыбелью блестящих цивилизаций, но оказался в зоне турбулентности из-за затяжных конфликтов в Новейшее время. Для выхода из хаоса и обретения стабильности Ближнему Востоку необходимо освободиться от влияния геополитического соперничества крупных держав и самостоятельно искать пути развития, соответствующие его региональным условиям. В связи с этим глава МИД КНР предложил следующие принципы для обеспечения безопасности и стабильности в регионе: 1) взаимное уважение, что означает отказ от рассмотрения Ближнего Востока с позиций геополитической конкуренции и помощь странам региона в самостоятельном преодолении разногласий; 2) соблюдение принципов равенства и справедливости, что особенно важно при решении палестинского вопроса, и реализация «решения о двух государствах»; 3) обеспечение нераспространения оружия массового поражения, включая возобновление действия «иранской ядерной сделки»; 4) совместное укрепление коллективной безопасности, что предполагает возможность создания механизма доверия на Ближнем Востоке, начиная с таких вопросов, как обеспечение безопасности нефтяных объектов и судоходных путей, борьба с терроризмом и содействие дерадикализации; 5) ускорение сотрудничества в области развития в целях объединения ресурсов Ближнего Востока для помощи странам, пережившим конфликт, в восстановлении, а также для поддержки диверсифицированного экономического роста нефтедобывающих государств и т. д.[22] Таким образом, Китай видит достижение прочного мира в регионе через развитие, сотрудничество и интеграцию.

КНР активно продвигает свой нарратив о строительстве «сообщества единой судьбы человечества» (СЕСЧ) (人类命运共同

zfbps/zfbps_2279/202505/t20250512_894771.html (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

[22] Wang Yi proposes a five-point initiative on achieving security and stability in the Middle East // Ministry of Foreign Affairs of The People's Republic of China. 26.03.2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/2675_665437/2878_663746/2880_663750/202406/t20240607_11413200.html (accessed: 20.03.2026).

体)[23], в том числе с арабскими странами. Данное видение будущего, продвигаемое Пекином, стало логичным продолжением пяти принципов мирного сосуществования, которые уже более 70 лет являются краеугольным камнем внешней политики КНР[24]. Как подчеркивает Си Цзиньпин, концепция СЕСЧ устанавливает новый образец равноправия в международных отношениях, соответствует преобладающей в настоящий момент тенденции к миру, развитию, сотрудничеству и общему выигрышу, а также обогащает новую практику развития и безопасности[25]. При этом Китай отрицает свои претензии на глобальное лидерство, выступает против гегемонизма и идентифицирует себя как крупнейшую страну Глобального Юга, которая всегда будет привержена его единству и развитию[26].

В концептуальном плане глобальную концепцию КНР дополняют четыре глобальные инициативы Си Цзиньпина (四大全球倡议): Инициатива глобального развития (ИГР) (全球发展倡议)[27], Инициатива глобальной безопасности (ИГБ) (全球安全倡议)[28], Инициатива глобальной цивилизации (ИГЦ) (全球文明倡议)[29], Инициа-

[23] Идея строительства СЕСЧ была впервые предложена Си Цзиньпином в 2013 г. во время его первого государственного визита в Россию. В последующие годы концепция стала главной составляющей частью внешнеполитической доктрины КНР и активно используется как компонент «мягкой силы» внутри страны и за рубежом.

[24] Пять принципов мирного сосуществования (взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование) впервые изложены в китайско-индийском соглашении 1954 г., затем вошли в итоговую декларацию Бандунгской конференции и были внесены в Конституцию КНР.

[25] Си Цзиньпин туйдун лоши цюаньцю фачжань чани, цюаньцю аньцюань чани, цюаньцю вэньмин чани, цюаньцю чжили чани [Содействовать реализации глобальных инициатив в области развития, безопасности, сотрудничества цивилизаций и управления] // Цюши. 15.10.2025. URL: https://www.qstheory.cn/20251015/ac27bb8d42874ac18312b658ec1abf3f/c.html (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

[26] Chinese FM calls for China-Africa cooperation on global governance reform // The State Council of The People's Republic of China. 11.01.2025. URL: https://english.www.gov.cn/news/202501/11/content_WS6781d6aec6d0868f4e8eebae.html (accessed: 20.03.2026).

[27] ИГР предложена Си Цзиньпином 21 сентября 2021 г. в его выступлении на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

[28] ИГБ предложена Си Цзиньпином на ежегодном совещании Боаоского азиатского форума, проходившем 21–22 апреля 2022 г.

[29] ИГЦ предложена Си Цзиньпином 15 марта 2023 г. во время Диалога высокого уровня между КПК и другими политическими партиями мира.

тива глобального управления (ИГУ) (全球治理倡议)[30]. Как отмечает председатель Си в своей статье в журнале ЦК КПК «Цюши», ИГР направлена на то, чтобы плоды глобального развития становились доступнее для всех стран. ИГБ призывает к достижению безопасности через сотрудничество и диалог. ИГЦ ставит целью взаимное обучение между различными цивилизациями. Наконец, ИГУ призывает практиковать многосторонний подход, твердо поддерживать статус и авторитет ООН[31]. Данные нарративы КНР внедряет в различных регионах Глобального Юга как на двустороннем уровне, так и в многосторонних форматах взаимодействия, в том числе в диалоге с арабскими странами.

В декабре 2022 г. на первом китайско-арабском саммите в Эр-Рияде стороны договорились приложить все усилия для создания китайско-арабского сообщества единой судьбы (中阿命运共同体) в новую эпоху. Как было отмечено в декларации по итогам саммита, КНР и страны — члены ЛАГ привержены углублению китайско-арабского сотрудничества в различных областях через механизмы ФКАС. В декларации указано, что арабские страны придают большое значение и одобряют ИГР и ИГБ[32].

Китай намерен продвигать «новую архитектуру безопасности» в регионе. Фактически эту цель подробно изложил в сентябре 2022 г. глава МИД КНР Ван И в виде четырех пунктов на втором Ближневосточном форуме по безопасности в Пекине, дооформив ранее озвученную инициативу из пяти пунктов по обеспечению безопасности и стабильности на Ближнем Востоке и ИГБ применительно к данному региону[33]. В частности, Ван И сделал акцент на

[30] ИГУ озвучена Си Цзиньпином на саммите ШОС в Тяньцзине в сентябре 2025 г.

[31] Си Цзиньпин туйдун лоши цюаньцю фачжань чани, цюаньцю аньцюань чани, цюаньцю вэньмин чани, цюаньцю чжили чани [Содействовать реализации Глобальных Инициатив Развития, Безопасности, Цивилизации и Управления] // Цюши. 15.10.2025. URL: https://www.qstheory.cn/20251015/ac27bb8d42874ac18312b658ec1abf3f/c.html (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

[32] Шоуцзе Чжун А фэнхуэй лиядэ сюаньянь [Эр-Риядская декларация первого китайско-арабского саммита] // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу [Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики]. 10.12.2022. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202212/t20221210_10988459.shtml (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

[33] Wang Yi attends the second Middle East Security Forum // Ministry of Foreign Affairs of The People's Republic of China. 21.09.2022. URL: https://www.mfa.gov.cn/mfa_eng/wjbzhd/202209/t20220923_10770221.html (accessed: 20.03.2026).

построении всеобщей безопасности, учитывающей обоснованные опасения всех ближневосточных государств, и подчеркнул, что основную роль в решении подобных вопросов должны играть региональные державы.

Достигнутый уровень политического доверия и глубина экономических связей в отношениях КНР с арабским миром и Ираном сглаживают острые вопросы, которые потенциально могли бы стать камнем преткновения. Так, тема «притеснения» уйгуров-мусульман в КНР на официальном уровне не поднимается. В свою очередь в совместных документах (в частности, в декларациях китайско-арабских саммитов и двусторонних заявлениях) отмечается поддержка со стороны арабских государств позиции КНР по вопросам Тайваня и Синьцзяна[34].

Кроме того, данные социологических опросов свидетельствуют о росте комплементарности среди местного населения к политике и нарративам КНР. Так, опросы «арабского барометра» (программа Принстонского университета США) на основе данных анкетирования 23 тыс. респондентов в Ираке, Иордании, Ливане, Ливии, Мавритании, Марокко, Палестине, Тунисе и Судане за период с октября 2021 по апрель 2022 г. показали, что по уровню симпатий Китай опережает США во всех этих странах, за исключением Марокко (очевидно, на это повлияла поддержка Вашингтоном претензий Рабата на Западную Сахару в контексте присоединения Марокко к «Соглашениям Авраама»). Опросы, проведенные в Тунисе, Иордании, Мавритании, Ливане и Ираке в период между событиями 7 октября 2023 г. и началом военной операции Израиля в Газе «Железные мечи», подтвердили падение уровня поддержки США, при этом по меньшей мере половина респондентов заявили, что положительно относятся к Китаю и его подходам к безопасности. Более того, как показали опросы, подавляющее большинство респондентов не верят, что ООН, ЕС и США выступают в защиту жителей Газы, а 60% опрошенных во всех пяти странах согласились, что Вашингтон защищает исключительно интересы Израиля[35].

[34] China, Saudi Arabia to further strengthen communication, coordination // Xinhua. 27.10.2022. URL: https://english.news.cn/20221027/19640242daa44730b67dac69c94cfe64/c.html (accessed: 20.03.2026).

[35] Robbins M. The enemy of my enemy is my friend // Arab Barometer. 13.12.2024. URL: https://www.arabbarometer.org/media-news/the-enemy-of-my-enemy-is-my-friend/ (accessed: 20.03.2026).

Таким образом, можно утверждать, что четыре глобальные инициативы Пекина — это эффективный способ представить альтернативный взгляд Китая на трансформацию мирового порядка, находящегося в системном кризисе. В определенной степени идеологический дискурс КНР выступает противовесом распространенным на Западе идеологическим нарративам. ИГБ предлагает многосторонний подход в урегулировании конфликтов, направленный на построение всеобщей безопасности, когда интересы каждой страны будут учтены. В своем дискурсе Китай старается подчеркнуть неприятие блокового подхода, обеспечения безопасности одних за счет других, или, как это часто трактуется в китайских официальных СМИ, «игры с нулевой суммой»[36], где выигрыш одной стороны означает проигрыш другой. Соответственно видение КНР в корне отличается от архитектуры безопасности, которую создавали на Ближнем Востоке США и которая основывалась на альянсах и партнерствах с отдельными странами региона в ущерб другим (СССР или Ирана применительно к сегодняшнему дню).

ИГУ во главу угла ставит коллективное урегулирование конфликтов с центральной ролью ООН без навязывания «семейных правил» нескольких стран другим. По этой причине, например, Китай критически относится к односторонней инициативе Вашингтона по созданию Совета мира[37] для урегулирования кризиса в секторе Газа, поскольку она не учитывает интересы палестинцев и пытается подменить собой ООН.

В целом можно утверждать, что усилия КНР по продвижению своего нарратива приносят плоды и, очевидно, находят поддержку как на официальном уровне, закрепляясь в совместных документах, так и, что немаловажно, среди населения, о чем свидетельствуют данные опросов граждан стран БВСА.

Вызовы для политики КНР на Ближнем Востоке

Можно сказать, что сама логика внешней политики Китая в условиях острого китайско-американского соперничества, а также

[36] China urges U.S. to drop zero-sum mentality // Xinhua. 13.02.2025. URL: https://english.news.cn/20250213/c6a48a4f880c42fcbb982c0f647bee20/c.html (accessed: 20.03.2026).

[37] What do the international divisions surrounding the 'Board of Peace' reveal? // Global Times. 24.01.2026. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202601/1354069.shtml (accessed: 20.03.2026).

необходимости обеспечения безопасности торговых маршрутов неминуемо вовлекает его в политический процесс на Ближнем Востоке. И Пекин, применяя примирительную дипломатию, пробует себя в роли независимого арбитра.

Успех китайской дипломатии проявился в участии Пекина в восстановлении отношений между Эр-Риядом и Тегераном. При этом стоит отметить, что Китай взял на себя посредническую роль между двумя сторонами на завершающем этапе. Предыдущие раунды переговоров, в 2021–2022 гг., в основном продвигали и организовывали региональные игроки (в частности, Ирак и Оман). Другой пример — содействие Китая переговорам между палестинскими организациями, включая ХАМАС и ФАТХ, в Пекине в 2024 г. для достижения мира и внутриполитического согласия в Палестине [см. подробнее: Kellner, Loutfi, 2024].

Тем не менее, несмотря на очевидные успехи, политика Китая в регионе сталкивается с определенными ограничениями и дилеммами. В отношении палестино-израильского конфликта КНР занимает твердую позицию, заключающуюся в необходимости выполнения резолюций Совбеза ООН о создании независимого Палестинского государства в границах 1967 г. со столицей в Восточном Иерусалиме, и выступает против изгнания палестинцев с их родины. Можно отметить, что такая позиция Пекина — это вопрос его собственного положения и имиджа в регионе как главного защитника Глобального Юга, ответственного партнера арабских стран и Ирана. Китай официально не осуждал действия ХАМАС во время событий 7 октября 2023 г. Более того, в феврале 2024 г. представитель КНР в Международном суде ООН заявил о праве палестинцев на самоопределение, включая использование вооруженной борьбы[38], что стало более явной поддержкой ХАМАС и, конечно, вызвало негативный отклик в Израиле. В целом Китай в контексте нынешней эскалации в секторе Газа в определенной степени жертвует отношениями с Израилем, делая ставку на солидарность с арабским миром и Ираном.

Во время прямых столкновений между Ираном и Израилем в апреле и октябре 2024 г. в китайской риторике подчеркивался принцип защиты суверенитета Ирана, сочетавшийся с призывами

[38] China to ICJ: Palestine has the inalienable right to armed struggle // Tehran Times. 23.02.2024. URL: https://www.tehrantimes.com/news/495309/China-to-ICJ-Palestine-has-the-inalienable-right-to-armed-struggle (accessed: 20.03.2026).

к сдержанности и решительным осуждением израильских ударов. Пекин проводил четкое различие между атаками, инициированными Тель-Авивом, и ответными действиями Тегерана[39]. Даже когда Иран нанес ракетные удары по территории Израиля, Китай не осудил его напрямую, а ограничился общим призывом к немедленному прекращению огня и сохранению региональной стабильности [Ben Tzur, 2025].

Кроме того, Китаю приходится поддерживать непростой баланс между суннитскими монархиями Залива, с которыми у него тесные экономические связи, и своим стратегическим партнером — шиитским Ираном.

По некоторым вопросам китайское руководство вынуждено проявлять максимальную гибкость. Так, в совместном эмиратско-китайском заявлении в мае 2024 г. Пекин поддержал усилия ОАЭ по достижению мирного решения проблемы трех островов[40] в Ормузском проливе, которые являются предметом споров между Тегераном и Абу-Даби. В Иране это было воспринято как поддержка Китаем ОАЭ и спровоцировало негативную реакцию и даже вызов китайского посла в МИД, однако в дальнейшем Пекин смог сгладить ситуацию, выступив за урегулирование спора путем диалога[41].

На нынешнем этапе КНР не проявляет желания активно вмешиваться в дела региона, подвергая себя рискам и издержкам, если это не отвечает его коренным политическим интересам. В западном экспертном сообществе распространена точка зрения, что Китай фактически пользуется той системой безопасности, которую обеспечивают США в регионе, и извлекает из этого выгоду, при этом критикуя Вашингтон[42].

[39] Chinese, Iranian FMs hold phone talks on Israel-Iran tensions // Xinhua. 16.04.2024. URL: https://english.news.cn/20240416/110bc48f33074eb1b7d704cfca10665c/c.html (accessed: 20.03.2026).

[40] Острова Абу-Муса, Малый Томб и Большой Томб де-факто контролируются Ираном с 1971 г. и оспариваются ОАЭ.

[41] China calls on UAE and Iran to resolve difference peacefully // CGTN. 03.06.2024. URL: https://news.cgtn.com/news/2024-06-03/China-calls-on-UAE-and-Iran-to-resolve-difference-peacefully--1u8sI8NPrP2/p.html (accessed: 20.03.2026).

[42] См., например: 2024 Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. Washington, D.C.: U.S. Government Publishing Office, 2024. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2024-11/2024_Annual_Report_to_Congress.pdf (accessed: 20.03.2026).

Так, в период острой фазы кризиса в Красном море в начале 2024 г. и борьбы с нападениями хуситов на морские суда США просили КНР использовать для сопровождения военные корабли из опорного пункта материально-технического обеспечения в Джибути (первой зарубежной военной базе КНР на африканском побережье Аденского залива) и повлиять на Иран по вопросу поддержки действий их йеменского союзника. Однако Пекин отказал Вашингтону в сотрудничестве против хуситов. Как отметил глава МИД КНР Ван И, Совет Безопасности ООН никогда не давал разрешения какой-либо стране применять силу против Йемена[43]. Министр подчеркнул, что напряженность в Красном море стала следствием конфликта в секторе Газа и приоритетной задачей должно быть прекращение там боевых действий. При этом стоит отметить, что, согласно подсчетам экспертов, перестройка торговых маршрутов в обход Красного моря обернулась большими издержками и для КНР [Сазонов, Фу, 2024].

Несмотря на рост числа совместных учений (с Египтом, ОАЭ, КСА), китайское военное присутствие и объемы продаж оружия остаются скромными по сравнению с США, у которых в регионе расквартированы как минимум 40 тыс. военнослужащих, расположено порядка 19 военных объектов, включая штаб Центрального командования ВВС США в Катаре и базу пятого флота ВМС в Бахрейне. Доля китайских вооружений в импорте стран региона в 2020–2024 гг. составила лишь 1,2%. Это не идет ни в какое сравнение с возможностями США, на которые приходится до 50% импорта вооружений государствами БВСА[44]. Китай также не создал никаких полноценных военных альянсов: несмотря на тесное военно-техническое сотрудничество Тегерана и Пекина, очевидно, что страны пока не готовы к военному союзу. Во время 12-дневной войны между Ираном и Израилем (13–25 июня 2025 г.) и атаки США на иранские ядерные объекты Пекин не стал никак вмешиваться в конфликт и ограничился примирительной риторикой и косвенной политической поддержкой Тегерана. Так, Си Цзиньпин в разговоре с В.В. Путиным в разгар израильской операции

[43] Wang Yi: China concerned about escalation of tensions in the Red Sea // CGTN. 18.01.2024. URL: https://newsaf.cgtn.com/news/2024-01-15/Wang-Yi-China-concerned-about-escalation-of-tensions-in-the-Red-Sea-1qmRbsQsBjO/p.html (accessed: 20.03.2026).

[44] Hussain Z., Tartir A. Recent trends in international arms transfers in the Middle East and North Africa // Stockholm International Peace Research Institute. 10.04.2025. URL: https://www.sipri.org/commentary/topical-backgrounder/2025/recent-trends-international-arms-transfers-middle-east-and-north-africa (accessed: 20.03.2026).

«Восходящий лев» против Ирана подчеркнул, что диалог и переговоры являются основополагающими решениями, а миротворческие усилия международного сообщества незаменимы[45].

Наконец, КНР сталкивается и с рядом фундаментальных рисков в регионе. Неустойчивость местных режимов может ударить по его интересам. Например, за год до падения режима Б. Асада в Сирии Пекин и Дамаск в сентябре 2023 г. установили стратегическое партнерство, и пока неясно, будет ли КНР считать новых сирийских визави стратегическими партнерами и углублять сотрудничество с ними.

Еще более показательный пример — текущая ситуация вокруг Ирана. Начавшаяся 28 февраля 2026 г. совместная операция США и Израиля «Эпическая ярость» погрузила мир в пучину стратегической неопределенности, став новым вызовом и для КНР.

Китай сразу осудил акт агрессии и вместе с Россией инициировал срочное заседание Совбеза ООН. После подтверждения гибели рахбара Али Хаменеи на брифинге с зарубежными СМИ официальный представитель МИД КНР Мао Нин подчеркнула, что убийство верховного лидера Ирана — «попрание целей и принципов Устава ООН», которое Китай решительно осуждает. При этом Мао Нин уклонилась от ответа на вопрос о том, предоставит ли КНР Ирану военную поддержку, и также опровергла сообщения западных СМИ о возможной закупке Тегераном китайских сверхзвуковых противокорабельных ракет СМ-302[46].

При том что Пекин отрицает возможность конкретных военных поставок, по сообщениям американского агентства «Alhurra», вещающего на арабские страны, со ссылкой на разведку США еще в январе 2026 г., Китай продолжал поставлять в Иран технологии двойного назначения, промышленное оборудование, компоненты для ракет, радиолокационных систем, которые позволяют наладить производство оружия внутри страны, не передавая готовые платформы[47].

[45] Liu X., Li Y. Xi, Putin discuss Middle East situation on phone // Global Times. 19.06.2025. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202506/1336550.shtml (accessed: 20.03.2026).

[46] Очередная пресс-конференция 2 марта 2026 г. у официального представителя МИД КНР Мао Нин // Посольство КНР в Кыргызстане. 02.03.2026. URL: https://kg.china-embassy.gov.cn/rus/fyrth/202603/t20260303_11867897.htm (дата обращения: 20.03.2026).

[47] Kawly J. China and Iran: support without rescue // MBN. 26.01.2026. URL: https://alhurra.com/en/11480 (accessed: 20.03.2026).

Вспыхнувший конфликт поставил КНР в непростое положение. Гипотетическая смена режима аятолл на прозападный или гражданская война в Иране может привести к непредсказуемым последствиям для безопасности региона и лишить Пекин ключевого стратегического партнера, серьезно ослабив его позиции. С одной стороны, КНР, будучи близким партнером Тегерана и позиционируя себя в качестве защитника интересов Глобального Юга, не может не реагировать на акт агрессии против суверенного государства. С другой стороны, возникает вопрос, может ли Китай предложить Ирану что-то, кроме дипломатической поддержки и осуждения американских действий.

Тегеран же избрал тактику причинения неприемлемых издержек своим противникам, в том числе посредством блокады Ормузского пролива, при этом оставляя за собой право атаковать энергообъекты в странах Залива. Таким образом, конфликт уже распространяется на весь регион и разрушает экономическую стабильность, что абсолютно невыгодно арабским монархиям. В свою очередь сокращение энергетических поставок и рост цен на углеводороды бьют и по экономическим интересам Пекина, поскольку более 50% импорта нефти идет в КНР через Ормузский пролив. В таких условиях Китай сам заинтересован в безопасности судоходства в Персидском заливе и не может рисковать своими связями с арабскими партнерами, наращивая прямую военную помощь Тегерану.

В стратегии Пекина можно также усмотреть нежелание усиливать конфронтацию с США по вопросу конфликта в Иране накануне запланированных взаимных визитов Си Цзиньпина и Д. Трампа в 2026 г.[48] и поиска компромиссов по тарифной политике или вопросу Тайваня.

Отдельно стоит отметить, что с военно-стратегической точки зрения переброска значительной части американских ВМС на Ближний Восток и расход ракет и боеприпасов на атаки против Ирана ослабляют военный потенциал США в Индо-Тихоокеанском регионе, что снижает давление на КНР на этом ключевом для нее направлении.

Кроме того, «блицкриг» Израиля и США уже провалился, военно-политическая система Ирана пока справляется с давлением,

[48] Ташевская Н. Раскрыты подробности о визите Трампа в Китай // Lenta.ru. 09.03.2026. URL: https://lenta.ru/news/2026/03/09/raskryty-podrobnosti-o-vizite-trampa-v-kitay/ (дата обращения: 20.03.2026).

а значит, союзники могут не добиться своих целей по смене режима в стране. В таком случае политика Вашингтона будет представлена как гегемонистская авантюра и предоставит Пекину дополнительные козыри во внешней дипломатии (переговорные возможности, оправданная критика в адрес США, укрепление сотрудничества на площадках Глобального Юга).

В целом в военно-политической сфере Китай сталкивается с фундаментальным ограничением: региональные игроки, привыкшие к четким гарантиям США, пока не видят в Пекине надежного гаранта безопасности. КНР избегает жестких оборонительных обязательств и, как следствие, не может предоставить тем же арабским монархиям Залива надежную альтернативу американскому оборонному зонтику. Это заставляет их продолжать стратегическое балансирование и создает «разрыв в ожиданиях»: партнеры (например, Иран во время конфликта с Израилем в июне 2025 г. или в ходе нынешней военной операции с февраля 2026 г. по н.в.) рассчитывают на более активное участие КНР в обеспечении регионального мира и стабильности[49], но получают лишь дипломатическую поддержку.

КНР — относительно новый игрок на Ближнем Востоке, и ее стратегии свойственны осторожность и стремление находиться «над схваткой», при этом Пекин последовательно критикует деструктивную политику США в регионе. Тем не менее в текущем контексте жестких действий Д. Трампа по отстаиванию американских интересов по всему миру довольно отстраненная позиция КНР может быть воспринята как признак слабости. Силовой захват президента Венесуэлы Н. Мадуро, близкого политического партнера Пекина, в январе 2026 г. продемонстрировал, что давление на Китай в целях ослабления его позиций в различных регионах мира будет продолжаться. На Ближнем Востоке США и Израиль будут расширять свои стратегические преимущества, ввергая весь регион в большую неопределенность и ставя под угрозу глобальные инициативы КНР.

В сфере дипломатии принцип невмешательства — визитная карточка Китая, но в условиях ближневосточной турбулентности он становится и его главной слабостью. Призывы к прекращению огня в секторе Газа или осуждение ударов по Ирану часто остаются

[49] В Иране выразили надежду на более активную роль Китая в обеспечении мира // РИА Новости. 15.01.2026. URL: https://ria.ru/20260115/iran-2068086468.html (дата обращения: 20.03.2026).

без внимания, так как не подкреплены реальными рычагами давления, что снижает политический вес Пекина[50]. Между тем усиление роли КНР в регионе в XXI в. порождает высокие ожидания среди местных элит, которые видят в ней реальный противовес Западу. Однако если Китай четко не продемонстрирует надежность своей поддержки, он рискует столкнуться с разочарованием со стороны ближневосточных партнеров.

Успехи в экономической сфере могут создавать у руководства КНР иллюзию контроля, однако они же порождают зависимость Китая от стабильности торговых поставок через Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы. Любой конфликт (например, в Красном море или перекрытие Ираном Ормузского пролива) напрямую угрожает экономической безопасности Пекина, а эффективно защитить эти маршруты самостоятельно он пока не проявляет готовности.

* * *

Анализ эволюции и современных реалий политики Китая на Ближнем Востоке позволяет сделать вывод о формировании им устойчивой и многомерной стратегии в условиях своего глобального возвышения. За несколько десятилетий китайское присутствие в регионе претерпело качественную трансформацию: от роли периферийного политического актора и покупателя энергоресурсов до статуса ключевого торгового партнера, стратегического инвестора и, как показало посредничество между Эр-Риядом и Тегераном, политического арбитра.

Ключевыми особенностями китайского подхода являются его комплексность и гибкость. Экономическая дипломатия в рамках ИПП создает материальную инфраструктуру взаимозависимости. При этом Пекин последовательно заполняет концептуальный вакуум, предлагая региональным игрокам альтернативный дискурс, оформленный в глобальных инициативах Си Цзиньпина и продвигаемый по линии «Юг–Юг». Идеи «безопасности через развитие», многостороннего сотрудничества и невмешательства находят широкий отклик у местных элит, что отражается в стратегическом партнерстве с Ираном, взаимодействии в рамках многосторонних

[50] Aluf D. China's influence in the Middle East and its limitations // The Diplomat. 26.02.2024. URL: https://thediplomat.com/2024/02/chinas-influence-in-the-middle-east-and-its-limitations/ (accessed: 20.03.2026).

площадок с арабскими странами и курсе на строительство китайско-арабского сообщества единой судьбы. Тем самым формируется стратегическое доверие к Китаю, которое может позволить ему усилить свои региональные позиции в будущем.

Однако рост присутствия КНР в регионе сталкивается с системными вызовами, определяющими пределы ее влияния. Глубокая конфликтность региона постоянно испытывает на прочность принцип невмешательства, требуя от Пекина всё большей вовлеченности для защиты своих растущих интересов. При этом отказ от данного принципа может лишить Китай его главного конкурентного преимущества — способности выстраивать доверительные отношения со всеми сторонами одновременно. Как только Пекин начнет выбирать союзника и вмешиваться, он потеряет статус универсального посредника.

Применительно к нынешней эскалации вокруг Ирана это, с одной стороны, создает «разрыв в ожиданиях» с партнерами, рассчитывающими на более решительную поддержку Пекина, и ставит под вопрос способность Китая защищать свои растущие активы и интересы союзников. С другой стороны, существенная экономическая и технологическая помощь КНР Ирану в условиях жестких санкций, ее активность на международной арене в осуждении агрессии США и Израиля — это уже немало, учитывая, что Китай действует в узком коридоре своих возможностей при соблюдении своих стратегических интересов в отношениях со странами Залива и с Вашингтоном.

Более того, Пекин явно делает ставку на то, что хаотичные и жесткосиловые акции Соединенных Штатов постепенно подрывают доверие к ним как к надежному партнеру. В этой логике США сами создают сценарий, по которому Китай может выступить в роли стабильной и предсказуемой альтернативы.

Однако сохранение хрупкого баланса в отношениях между Ираном и монархиями Залива, значительное присутствие США, остающихся ключевым военным гарантом в регионе, очередные вспышки региональных конфликтов в итоге потребуют от китайской дипломатии более решительного подхода и даже готовности жертвовать хорошими отношениями с отдельными игроками.

В целом, несмотря на существенный экономический вес в регионе, на нынешнем этапе китайской стратегии не хватает завершенности, способности конвертировать экономическое присутствие в реальное политическое и военное влияние. Это выражается в первую очередь

в отсутствии прокитайской группы стран, способных действовать скоординированно в отстаивании своих интересов, что особенно заметно на фоне позиций США и созданной ими сети союзников. Будущая эффективность ближневосточной стратегии КНР будет напрямую зависеть от способности разрешить фундаментальное противоречие между экономической мощью и политической ответственностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верченко А.Л. Концепция сообщества единой судьбы человечества: китайское видение нового мироустройства (десятилетие реализации) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7, № 2. С. 60–74. DOI: 10.24412/2686-7702-2025-2-60-74.

2. Виноградов И.С. Сотрудничество Китая со странами Северной Африки: состояние и перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. Т. 28, № 28. С. 185–198. DOI: 10.48647/ICCA.2023.40.55.015.

3. Ли В. Цун цзунти чаото дао цзицзи ю вэй гайгэкайфан илай дэ Чжунго Чжундун вайцзяо [От отстраненности к активным действиям: ближневосточная дипломатия Китая после реформ и открытости] // Алабо шицзе яньцзю. 2018. № 4. С. 3–13. (На кит. яз.)

4. Лю Чж. [Шицзюй 2024] фачжань, хуаньхэ, доюань: чжундундицюй тиси дэ фачжаньцюйши [[Мировая ситуация 2024] Развитие, разрядка, диверсификация: тенденции развития ближневосточной системы] // Чжунго шэхуэйкэсюэ ван [Сеть общественных наук Китая]. 26.01.2024. URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202401/t20240126_5730890.shtml (дата обращения: 20.03.2026). (На кит. яз.)

5. Марьясис Д.А. Китай и Израиль: 25 лет экономического сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2018. № 7 (732). С. 40–46. DOI: 10.31857/S032150750000097-8.

6. Ню С. Чжундун дицюй синь гэцзюй дэ тэдянь чэнинь цзи инсян [Характеристики, причины и последствия нового ландшафта на Ближнем Востоке] // Гоцзи вэньти яньцзю. 2025. № 4. С. 41–62. (На кит. яз.)

7. Савичева Е.М., Бребдани А.М., Рыжов И.В. Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 180–196. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196.

8. Сажин В. Иран — Китай: стратегический союз? // Международная жизнь. 14.04.2021. URL: https://interaffairs.ru/news/show/29749 (дата обращения: 20.03.2026).

9. Сазонов С.Л., Ли Ф., Ван Ц. Сотрудничество Китая и стран Ближнего и Среднего Востока в области транспорта // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. Т. 29, № 29. С. 325–339. DOI: 10.48647/ICCA.2024.71.83.022.

10. Сазонов С.Л., Фу Я. Кризис на Красном море: влияние на Китай, мировую торговлю и судоходство // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. Т. 29, № 29. С. 313–324. DOI: 10.48647/ICCA.2024.65.50.021.

11. Сафронова Е.И. Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений (на примере Африки и Латинской Америки). М.: Форум, 2018.

12. Сунь Д., У С. Синь шидай Чжунго цаньюй Чжундун аньцюань шиу линянь чжучжан юй шицзянь таньсо [Участие Китая в вопросах безопасности на Ближнем Востоке в новую эпоху: концептуальные подходы и практика] // Гоцзи вэньти яньцзю. 2020. № 4. С. 1–19. (На кит. яз.)

13. Ben Tzur R. Biased neutrality: China's rhetoric amid escalating tensions in the Middle East // The Institute for National Security Studies. 14.08.2025. URL: https://www.inss.org.il/publication/china-middle-east-2025/ (accessed: 20.03.2026).

14. Kellner T., Loutfi N. L'influence de la Chine au Moyen-Orient. Entre avancées notables et limites persistantes. Les rapports du GRIP 2024/6. Bruxelles: GRIP, 2024. URL: https://www.grip.org/wp-content/uploads/2024/12/Rapport_2024-6-TK-NL-Chine-Moyen-Orient.pdf (accessed: 20.03.2026).

15. Shang Y. Gulf wealth powers China's 2025 investment boom: from finance to energy // China Briefing. 30.09.2025. Available at: https://www.china-briefing.com/news/gulf-investment-in-china-2025-finance-energy/ (accessed: 20.03.2026).

16. Yang C. China's position on the Palestine-Israel issue: a historical perspective // Ortadoğu Etütleri. 2017. Vol. 9, No. 2. P. 4–23.

17. Zhang Sh. From global anti-imperialism to the dandelion fighters: China's solidarity with Palestine from 1950 to 2024 // Transnational Institute. 12.03.2025. URL: https://www.tni.org/en/article/from-global-anti-imperialism-to-the-dandelion-fighters (accessed: 20.03.2026).

REFERENCES

1. Verchenko, A.L. (2025) 'Kontseptsiya soobshchestva edinoi sud'by chelovechestva: kitaiskoe videnie novogo miroustroistva (desyatiletie realizatsii)' [The concept of the community with a shared future for mankind: Chinese vision of the new world order (a decade of realization)], *East Asia: Facts and Analytics*, 7(2), pp. 60–74. Available at: https://doi.org/10.24412/2686-7702-2025-2-60-74. (In Russian.)

2. Vinogradov, I.S. (2023) 'Sotrudnichestvo Kitaya so stranami Severnoi Afriki: sostoyanie i perspektivy' [China's cooperation with the countries of North Africa: state and prospects], *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 28(28), pp. 185–198. Available at: https://doi.org/10.48647/ICCA.2023.40.55.015. (In Russian.)

3. Li, W. (2018) 'Tsun tsunti chaoto daotszitszi yu vei gaigekaifan ilai de Chzhonggun Chzhundun vaitszyao' [From detachment to proactive engagement: China's Middle East diplomacy since reform and opening up], *Alabo shijie yanjiu*, (4), pp. 3–13. (In Chinese.)

4. Liu, Z. (2024) '[Shitszyui 2024] fazhan', khuan'khe, doyuan': chzhundun ditsyui tisi de fazhan'tsyushi' [[World situation 2024] Development, détente, diversification: development trends of the Middle East regional system], *Zhongguo shehuikexue wang*, 26 January. Available at: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202401/t20240126_5730890.shtml (Accessed: 20 March 2026). (In Chinese.)

5. Mar'yasis, D.A. (2018) 'Kitai i Izrail': 25 let ekonomicheskogo sotrudnichestva' [China and Israel: 25 years of economic cooperation success], *Asia and Africa Today*, (7(732)), pp. 40–46. Available at: https://doi.org/10.31857/S032150750000097-8. (In Russian.)

6. Niu, S. (2025) 'Chzhundun ditsyui sin' gestszyui de tedyan' chenin' tszin insyan' [Characteristics, causes and implications of the new landscape in the Middle East], *Guoji wenti yanjiu*, 4, pp. 41–62. (In Chinese.)

7. Savicheva, E.M., Brebdani, A.M. and Ryzhov, I.V. (2022) 'Kitai i strany Soveta sotrudnichestva arabskikh gosudarstv Persidskogo zaliva: ot ekonomicheskikh sdelok k strategicheskomu partnerstvu' [China and Gulf Cooperation Council countries: from economic deals to strategic partnerships], *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), pp. 180–196. Available at: https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196. (In Russian.)

8. Sazhin, V. (2021) 'Iran — Kitai: strategicheskii soyuz?' [Iran — China: a strategic alliance?], *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 14 April. Available at: https://interaffairs.ru/news/show/29749 (Accessed: 20 March 2026). (In Russian.)

9. Sazonov, S.L., Li, F. and Wang, Ts. (2024) 'Sotrudnichestvo Kitaya i stran Blizhnego i Srednego Vostoka v oblasti transporta' [Cooperation between China and the countries of the Middle East in the field of transport], *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 29(29), pp. 325–339. Available at: https://doi.org/10.48647/ICCA.2024.71.83.022. (In Russian.)

10. Sazonov, S.L. and Fu, Ya. (2024) 'Krizis na Krasnom more: vliyanie na Kitai, mirovuyu torgovlyu i sudokhodstvo' [The crisis in the Red Sea: the impact on China, world trade, shipping and navigation], *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 29(29), pp. 313–324. Available at: https://doi.org/10.48647/ICCA.2024.65.50.021. (In Russian.)

11. Safronova, E.I. (2018) *Kitai i razvivayushchiisya mir: kontseptsii i aktual'naya praktika otnoshenii (na primere Afriki i Latinskoi Ameriki)* [China and the developing world: concepts and current practice of relations]. Moscow: Forum Publ. (In Russian.)

12. Sun, D. and Wu, S. (2020) 'Sin' shidai Chzhungo tsan'yu Chzhundun an'tsyuan' shiu linian' chzhuchzhan' yui shitszyan' tan'so' [China's participation in Middle East security affairs in the new era: conceptual approaches and practice], *Guoji wenti yanjiu*, (4), pp. 1–19. (In Chinese.)

13. Ben Tzur, R. (2025) *Biased neutrality: China's rhetoric amid escalating tensions in the Middle East*. The Institute for National Security Studies, 14 August. Available at: https://www.inss.org.il/publication/china-middle-east-2025/ (Accessed: 20 March 2026).

14. Kellner, T. and Loutfi, N. (2024) *L'influence de la Chine au Moyen-Orient. Entre avancées notables et limites persistantes*. Les rapports du GRIP 2024/6. Brussels: GRIP. Available at: https://www.grip.org/wp-content/uploads/2024/12/Rapport_2024-6-TK-NL-Chine-Moyen-Orient.pdf (Accessed: 20 March 2026).

15. Shang, Y. (2025) *Gulf wealth powers China's 2025 investment boom: from finance to energy*. China Briefing, 30 September. Available at: https://www.china-briefing.com/news/gulf-investment-in-china-2025-finance-energy/ (Accessed: 20 March 2026).

16. Yang, C. (2017) 'China's position on the Palestine-Israel issue: a historical perspective', *Ortadoğu Etütleri*, 9(2), pp. 4–23.

17. Zhang, Sh. (2025) *From global anti-imperialism to the dandelion fighters: China's solidarity with Palestine from 1950 to 2024*. Transnational Institute, 12 March. Available at: https://www.tni.org/en/article/from-global-anti-imperialism-to-the-dandelion-fighters (Accessed: 20 March 2026).

Статья поступила в редакцию 18.12.2025;
одобрена после рецензирования 16.03.2026;
принята к публикации 26.04.2026

The paper was submitted 18.12.2025;
approved after reviewing 16.03.2026;
accepted for publication 26.04.2026